

Тань Цзинчуань понимал, что его мнение во многом предвзято, но он решительно не желал терпеть рядом с племянником ни единого источника тревоги.

Помолчав с мгновение, он услышал в трубке голос Кэ Вэньшэна.

— Хорошо, — тот машинально дотронулся до надетой на нём одежды и мягко произнёс: — У меня в любое время найдётся свободная минута.

— Я как раз думал о том, как бы вернуть тебе эту рубашку, — тон Кэ Вэньшэна был чрезвычайно оживлённым. — Как удачно, теперь мы сможем встретиться.

Замечательно, я снова тебя увижу.

Мысленно пробормотал он.

.....

Утренняя пара была всего одна, и в десять часов Кэ Вэньшэн уже освободился, после чего отвёл Цинь Чжэня в кабинет куратора для отметки о прибытии.

За ночное отсутствие в общежитии полагалось объявить выговор, но, приняв во внимание, что они заранее предупредили старосту, наказание заменили восьмистами словами объяснительной, которая не повлияла бы на их право претендовать на повышенную стипендию и похвалы в этом семестре.

Кэ Вэньшэн облегчённо выдохнул.

— О чём ты переживаешь? Даже если стипендию не дадут, у меня денег куры не клюют, я тебе потом всё компенсирую, — Цинь Чжэнь хлопнул себя по груди, изображая невероятно богатого человека.

— У юного господина Таня несметные богатства, не поздно ли мне сейчас пристроиться к нему? — Кэ Вэньшэн усмехнулся и тихонько шепнул ему на ухо.

Проходя мимо кабинета на третьем этаже административного корпуса, Кэ Вэньшэн столкнулся с Линь Иньцю.

Этот учитель Линь был назначен университетом его наставником для подготовки к олимпиаде; будучи мужчиной-омегой, он отличался утончённой и приятной внешностью.

Некоторое время назад они часто переписывались в WeChat, и, поскольку разница в возрасте

была небольшой, прекрасно друг с другом ладили.

Заметив Кэ Вэньшэна, тот сам помахал ему рукой и подозвал к себе.

— Ладно, я пойду, ждать тебя не буду, — Цинь Чжэнь вышел из кабинета куратора с насквозь пресыщенным выражением лица. Больше всего на свете он ненавидел критику в свой адрес, и настроение у него было хуже некуда.

Кэ Вэньшэн последовал за мужчиной в кабинет, вспомнив, что учитель Линь, кажется, пользуется огромной популярностью в университете и особенно любим студентами. И дело было не только в его красивой внешности — от него исходил густой, изысканный аромат феромонов, да и нравом он обладал мягким, отчего при беседе с ним словно веяло тёплым весенним ветром.

Из-за его феромонов даже в самом кабинете стоял лёгкий приятный аромат, и Кэ Вэньшэн проникся к нему ещё большим доверием.

— Ты ведь уже в курсе насчёт олимпиады? — Линь Иньцю легко вздохнул и многозначительно произнёс: — Какая жалость, вообще-то это место я выбил у руководства для тебя. Я считаю, что на университетском этапе ты показал себя с самой лучшей стороны, и я верю в твои способности, но против некоторых обстоятельств ничего не попишешь.

Изначально они уже начали подбирать темы, но университет неожиданно приказал сменить кандидатуру. Попытавшись разобраться в ситуации и отстоять его место, Линь Иньцю столкнулся с тем, что, будучи всего лишь преподавателем, он обладал слишком малым весом в подобных вопросах.

В душе Линь Иньцю искренне об этом сожалел.

— Я знаю, — Кэ Вэньшэн кивнул, а уголки его губ тронула лёгкая улыбка. — Спасибо вам за доверие, учитель, но возможности по своей природе мимолетны. Если подобные соревнования пройдут еще раз, я с удовольствием приму в них участие.

Линь Иньцю внимательно взгляделся в лицо Кэ Вэньшэна и, заметив его невозмутимый вид, сразу же заметно успокоился.

— Раз ты так легко на это смотришь, больше говорить не буду. Ты позавтракал? — с улыбкой спросил Линь Иньцю, открывая изящный бумажный пакет на своём столе и доставая коробочку с пирожными.

— Вот эти яичные тарты мой друг приготовил сам, попробуй, — он без тени жадности протянул Кэ Вэньшэн коробку целиком, а не стал отсыпать парочку штук.

— Не нужно, учитель, я уже поел, — Кэ Вэньшэн тут же попытался отказаться.

— Ничего страшного, можешь забрать их и съесть вместе с соседями по комнате, — Линь Иньцю всё так же излучал крайнее радушие и, опасаясь недопонимания со стороны парня, открыто посмотрел на него: — Поверь, у меня и в мыслях ничего такого не было, просто я действительно не особо жалую сладкое, а пренебрегать стараниями друга как-то нехорошо.

При виде столь затруднительного положения было излишне гадать, какого рода друг сделал этот подарок; у такого омеги с внешностью и характером учителя Линя, пожалуй, поклонники выстраивались в очередь до самого коридора за пределами кабинета?

После этого Кэ Вэньшэн больше не стал отказываться. Поблагодарив Линь Иньцю, он заметил на другом краю стола вазу.

В этот стеклянный сосуд были воткнуты несколько ещё не распустившихся розовых роз, выглядевших так, будто их только что принесли из цветочного магазина: на лепестках еще блестели капельки тончайшей росы, а стебли разной длины аккуратно и свободно заполняли всё пространство вазы.

Кэ Вэньшэн частенько бывал в преподавательских кабинетах, однако редко видел, чтобы кто-то покупал розы в горшках или вазах для украшения, и потому машинально подсказал:

— Учитель Линь, если вы так просто воткнете цветы, они очень быстро завядают.

Прекрасные глаза Линь Иньцю моргнули, выражая готовность прислушаться к совету:

— Ой, и что же тогда делать?

— Сначала цветы нужно напоить водой, подрезать нижнюю часть стебля под углом и оставить примерно на три-четыре часа. Потом оборвать листья, оставив самую макушку, и уже после этого ставить в вазу, — задумчиво произнес Кэ Вэньшэн. — А когда будете менять воду, не выливайте её полностью, если воды стало меньше, можно просто подлить свежей.

Линь Иньцю широко распахнул глаза:

— Надо же, как ты разбираешься в цветах!

— Я уже давно подрабатываю, иногда заглядываю и в цветочный магазинчик возле университета, правда, всего лишь на полставки.

Кэ Вэньшэн сдержанно улыбнулся, и его тон приобрел игривый оттенок:

— Эти цветы вам, наверное, поклонник подарил?

Линь Иньцю вовсе не оскорбился подобной шуткой, а лишь протянул руку и легко щелкнул его по лбу:

— Совсем от рук отбился, как тебе не стыдно сплетничать?

Спустя мгновение он слегка вздохнул, предавшись меланхолии:

— Эх, подумать только, стоило мне стать преподавателем, как домашние тут же принялись донимать меня разговорами о женитьбе.

Жду тебя у входа в кофейню.

Выходные настали быстро.

В субботу Кэ Вэньшэн не пошел на подработку, подорвался ни свет ни заря и сел на автобус до больницы, попутно завернув в любимую закусочную госпожи Минь за паровыми пирожками с начинкой из свинины и побегов бамбука.

Шёл уже четвёртый год с тех пор, как она легла в больницу.

Он привычной дорогой направился в стационар, поздоровался с дежурной медсестрой и поднялся на лифте на пятый этаж.

Палаты на этом этаже были забиты до отказа, в коридоре висел запах дезинфекции и раздавался непрекращающийся кашель, а мимо то и дело катили тележки медсёстры, глухо постукивая колёсами по полу.

Палата госпожи Минь была двухместной. На соседней койке располагалась женщина-омега несколькими годами младше неё, а рядом на табуретке сидели её муж и семи-восьмилетняя дочурка.

Завидев Кэ Вэньшэна с пакетом в руках, она тут же с улыбкой окликнула его:

— Сестра Минь, ваш Нао-нао пришёл!

Кэ Вэньшэн достал из пластикового пакета несколько персиков и протянул их соседке. После долгих уговоров женщина всё же приняла угощение, а маленькая девочка нежным голоском поблагодарила его:

— Спасибо, красивый старший братец.

Через окно в комнату пробивался солнечный свет. Госпожа Минь сидела на кровати, углубившись в чтение книги; на ней были очки, а волосы аккуратно зачесаны волосок к волоску — видом она совершенно не походила на больную.

Кэ Вжэньшэн поспешил подойти и подложить ей под спину мягкую подушку, не удержавшись от лёгкого упрёка:

— Мам, врач ведь велел тебе поменьше напрягаться и побольше отдыхать?

Минь Хуэйэнь виновато улыбнулась:

— Лежать целыми днями невозможно, без книг чувствую себя слишком праздно, словно зря трачу время.

Раньше госпожа Минь работала учителем и в этот час уже наблюдала за тем, как ученики читают утренние тексты. Даже после госпитализации она сохраняла привычный со времён работы распорядок дня.

Кэ Вэньшэн навещал её в больнице практически каждые выходные, однако в начале учебного года всегда выдавалась суматошная пора — нужно было и бланки заполнять, и искать подработку, так что с его последнего визита прошёл целый месяц.

Женщина на соседней койке не преминула восхититься:

— Сестра Минь, я ведь не преувеличиваю — ваш Нао-нао и учится прекрасно, и мальчик заботливый, да и вырос писаным красавцем! Я только что подумала, что к нам в палату заглянула телезвезда.

От таких похвал Кэ Вэньшэн слегка покраснел и скромно произнёс:

— Тётя, вы меня так хвалите, что мне даже неловко.

На лице Минь Хуэйэнь отразилось довольство:

— Нао-нао пошёл в свою биологическую мать.

Кэ Вэньшэн с малых лет знал, что он приёмный. И дело было не только в том, что к моменту усыновления ему исполнилось семь лет и он уже многое осознавал, но и в абсолютной честности Минь Хуэйэнь по отношению к этому вопросу — она никогда не планировала от него

скрывать правду.

Даже когда оформляли документы на регистрацию, Минь Хуэйэнь прислушалась к мнению Кэ Вэньшэна и оставила ему родную фамилию.

Однако самого Кэ Вэньшэна никогда не видел биологических родителей: едва появившись на свет, он был отправлен в приют. Ему было известно лишь то, что отец, судя по всему, скончался, а мать суд признал неспособной обеспечить ребенка финансово, после чего она оставила мальчика в приюте и исчезла навсегда, больше ни разу не появившись.

В те дни госпожа Минь лишь мягко поглаживала его по спине, неторопливо объясняя всю сложность ситуации:

— Хотя она и бросила тебя, поступив не как подобает матери, тогда она едва ли могла позаботиться о собственной жизни. Без работы и крыши над головой одиноким женщинам, потерявшим мужей, приходится несладко, порой они даже сталкиваются с социальным презрением.

Тогдашний Кэ Вэньшэн понимал это лишь отчасти, но повзрослев, постепенно постиг смысл слов Минь Хуэйэнь.

Все эти годы госпожа Минь вырастила его в одиночку. Она так и не вышла замуж, у неё не было собственных детей — всё её сердце и мысли принадлежали исключительно Кэ Вэньшэну, а их материнско-сыновья связь давно переросла границы кровного родства.

Он считал госпожу Минь своей настоящей матерью, и хотя не собирался заикливаться на боли брошенного ребенка, всё же обладал полным правом никогда не прощать ту женщину.

Кэ Вэньшэн установил для неё небольшой столик и аккуратно расставил на нём испускающие пар паровые пирожки.

Минь Хуэйэнь приятно удивилась:

— Это те самые, из забегаловки у ворот седьмой школы?

— Они самые. Разве вы не говорили в прошлый раз, что давно их не ели? Ваш сын, разумеется, запомнил это и специально сбегал к школьным воротам, чтобы взять их с собой, — в выражении лица Кэ Вэньшэна мелькнуло самодовольство, а на лбу словно отчетливо читалось: «Ну же, похвали меня».

— И впрямь пролетело столько времени, — откусив кусочек пирожка, с легкой тоской произнесла госпожа Минь. — Тогда ты был совсем крохой, а теперь гляди-ка — вымахал какой большой.

— Мам, можешь не переживать, сейчас я получаю стипендию в университете и подрабатываю везде, где только можно. Если в клинике скажут, что появился подходящий для тебя донор костного мозга, мы сразу же сделаем эту операцию, — с полной серьезностью заверил её Кэ Вэньшэн.

В мягких глазах госпожи Минь промелькнула вина:

— Нао-нао, это всё из-за меня мама стала для тебя обузой...

В его возрасте юноши должны наслаждаться студенческой жизнью, и это она должна была баловать Кэ Вэньшэна карманными деньгами, однако все эти годы Кэ Вэньшэн не только тайком откладывал до последнего пенни все присылаемые ею средства, но и сам оплачивал значительную часть больничных счетов.

<http://bllate.org/book/27821/3374427>